

Арина Николаевна Танана

*Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижский»,*

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, г. Петрозаводск

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГАЗЕТНОЙ ПРОПАГАНДЫ ФИНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В КАРЕЛИИ В 1941–1944 гг.

Статья посвящена нашедшим отражение на страницах газет периода финской оккупации различным аспектам политики военной администрации в отношении населения, причисленного на основе этнического фактора к родственному. Материалы, публиковавшиеся в газетах, были направлены на формирование пиетета к новой власти и формирование представления о историческом и культурном единстве населения Восточной Карелии и Финляндии. Результатом пропагандистско-просветительской деятельности совместно с прочими мероприятиями оккупационных властей должно было стать воспитание из представителей родственных народов истинных граждан Великой Финляндии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Восточная Карелия, оккупация, этническая политика, печатная пропаганда, газеты.

В ходе Второй мировой войны в период с лета 1941 по лето 1944 г. значительная часть территории Карело-Финской ССР была оккупирована финскими войсками. В финских документах она носила название Восточная Карелия и должна была войти в состав Великой Финляндии. Для управления захваченной территорией было организовано Военное управление Восточной Карелии. Местное население было поделено на две примерно равные группы на основе этнического фактора [Laine 1982: 106]. Представители неродственных финским национальностей, в основном являвшиеся русскими, рассматривались как чуждое население, были размещены в концлагерях или проживали отдельно¹. Они подлежали

¹ В населенных пунктах, где родственные финнам этнические группы и ненациональное население проживали совместно, проводилось переселение. В Петрозаводске жители были расселены по национальному признаку по разные стороны реки Лососинки [Куломаа 2006: 99]. Согласно отчету Военного управления эти меры были необходимы, поскольку в тех местах, где проживало смешанное население, настроение людей и их доверие к финской администрации было на порядок ниже [По обе стороны 1995: 415]. Такой подход обосновывался причинами безопасности, а также стремлением ограничить контакты карелов с русскоязычным населением.

последующей депортации за пределы Восточной Карелии на территории, захваченные немецкими войсками. Представители родственных финнам народов, или «национальное население» (карелы, вепсы и т. д.), должны были стать полноправными гражданами Великой Финляндии и находились на привилегированном положении.

С причислением людей к той или иной группе часто возникали проблемы, поскольку часть карелов и вепсов по происхождению не знали национального языка и носили русские имена. Основным критерием было происхождение, дополнительными – место рождения человека, школа, в которую он ходил, или даже его окружение. В спорных случаях вопрос обычно решался в пользу отнесения к национальному населению [Rosen 1998: 48].

Чтобы способствовать «финнизации» родственного населения, были задействованы экономические рычаги. Принадлежность к той или иной национальной группе влияла на заработную плату, распределение продовольствия, свободу передвижения [Веригин 2009: 314]. Родственному населению предоставили право приобретения земельных участков во временное пользование с правом приобретения его после войны в частную собственность [Веригин 2012: 107–109]. Из воспоминаний представителей национального населения следует, что в период оккупации экономическое положение этих людей было лучше, чем в послевоенные годы. Так, в воспоминаниях сестер Е. А. и Т. А. Кильпиляйнен можем прочесть, что при финнах они «голода не знали», но после окончания войны «голоду натерпелись», «на одном клевере жили» [Устная история 2007: 43, 48]. Т. И. Максимова вспоминает, что при финнах они были «и сытые, и хоть кое-как, но одевались. А после войны сколько у нас всего было... Ничего не было – голая, босая... Финны человечнее отнеслись» [Там же: 81–82].

Улучшая материальное положение родственного населения, финская администрация старалась завоевать доверие к себе и подчеркнуть хорошее отношение и заботу о своих соплеменниках. Вместе с тем, акцентируя внимание на более выгодном положении национального населения, оккупационные власти стремились усилить размежевание между двумя национальными группами.

Исходя из целей оккупационного правительства выстраивалась и пропагандистско-просветительская работа. К началу Второй мировой войны пропаганда не только признавалась эффективным средством влияния на массы людей, но и считалась мощным оружием. Идеологическое оружие может нанести не меньший вред, чем грубая военная сила, поскольку его последствия могут оказаться более долгосрочными и тяжело обратимыми [Зульцман 1957: 516, 545].

Для проведения соответствующей работы с населением, в Военном управлении Восточной Карелии был создан специальный просветительский отдел. Таким образом, пропаганда и просветительская деятельность проводились единым органом, что позволило подчинить все формы работы общей цели – завоеванию доверия национального населения и его подготовке к принятию статуса гражданина Великой Финляндии. Просветительский отдел включал в себя три подразделения: информационный отдел, отдел по работе со школьниками и молодежью и отдел по делам религий. Направлениями работы информационного отдела были: выпуск газет, радиовещание, проведение праздников, организация киносеансов, переименование населенных пунктов. Отдел по работе со школьниками и молодежью занимался организацией народных школ для детей, а также различных курсов для молодежи внешкольного возраста как на территории Восточной Карелии, так и в Финляндии. Отдел церковных дел должен был осуществлять проведение духовного воспитания среди населения всех возрастов, создавать церковные и вечерние школы, подготавливать места для проведения богослужений [НА РК 5: 19–24; Веригин 2009: 308–309]. Основной задачей просветительского отдела было воспитание «истинных граждан Великой Финляндии».

В литературе можно встретить утверждение, что во время Второй мировой войны одним из главных источников информации, с помощью которых осуществлялась пропаганда, являлись газеты, в том числе и среди населения, оказавшегося под контролем финского оккупационного правительства [Лайне 1995: 103; Бормотова 2014]. Теория говорит, что степень воздействия периодической печати на аудиторию ограничена и зависит от личностных особенностей людей и окружающей их обстановки. Максимальное воздействие возможно, если наблюдается сильный дефицит информации о происходящих событиях, ограничена возможность выбора источника информации и когда общество находится в состоянии нестабильности, неопределенности [Назаров 2002: 212; Семенова 2010: 41]. Такие ситуации можно наблюдать во время войны. Для некоторых групп населения чтение газет было практически единственным способом узнать о происходящих событиях. Это относится к жителям оккупированных противником областей и к военнопленным, находившимся в положении полной информационной блокады. Естественно, что издававшиеся для них газеты выполняли не только информационную, но и пропагандистскую функцию.

Для населения Восточной Карелии издавалась газета «*Vapaa Karjala*», выпускавшаяся систематически, раз в неделю [НА РК 2: 19], на протяжении всего периода оккупации. Название символично и переводится

как «Свободная Карелия». Первый номер газеты вышел в августе 1941 г. тиражом в 5 тыс. экземпляров. К концу этого года тираж достиг 10 тыс. экз., а в 1943 составлял уже 11 700 экземпляров [Веригин 2009: 316–317; Laine 1982: 167]. За время ее издания тираж вырос более чем в два раза, что говорит о значимости роли, отводимой газете просветительским отделом. Каждый номер старались посвятить определенному вопросу, например: высшему народному училищу, средней школе, народной школе, организации Красный Крест, эпосу «Калевала», Иванову дню, Рождеству [По обе стороны 1995: 414]. «*Vapaa Karjala*» являлась органом Военного управления Восточной Карелии. Предназначавшаяся для многотысячного национального населения газета имела большое значение, ее содержание требовало ответственного и грамотного подхода. Это повлияло на качественный состав людей, работавших над ней. Это были специалисты в своих областях: политики, писатели, языковеды, историки, богословы. Все члены редакции являлись представителями Академического Карельского общества (АКС) – организации, которая распространяла идею Великой Финляндии, в том числе и два председателя АКС: Вилхо Хеланен и Урьё Вуорйоки. Это свидетельствует об идеологической ориентации членов редакции. Некоторые из них занимали должности в Военном управлении Восточной Карелии, а значит, хорошо представляли текущую обстановку, о которой они знали не понаслышке.

Военным управлением также выпускалась газета «*Paateneen viesti*» («Паданские вести») на финском языке, ее тираж составлял 1400 экземпляров. Отличало «*Paateneen viesti*» лишь большое количество местных новостей о событиях в Паданах и окрестных селениях – Янгозере, Сельгах и др. Общее же направление содержания статей было схожим с «*Vapaa Karjala*». Для русскоязычного населения существовала газета «Северное слово», ее издавали в оккупированном Петрозаводске для военнопленных, а в 1943 и 1944 гг. выпускали к ней приложения для гражданского населения [Веригин 2009: 317–318].

Для обеспечения порядка на оккупированной территории и для дальнейшей идеологической обработки населения первым делом предстояло доказать благие намерения Финляндии и справедливый характер захвата Восточной Карелии, который обосновывали стремлением «освободить братьев по крови». На страницах газет утверждалось, что Восточная Карелия исторически относится к Финляндии и населяющие их народы являются родственными: «как известно Восточная Карелия с незапамятных времён была населена финским племенем карелов, которые, несмотря на то, что были вынуждены находиться под русским владычеством,

сохранили свой родной финский язык... и также и обычаи. Эти особенности были сразу замечены финскими солдатами при вступлении их в Восточную Карелию. Они поняли, что продвигаются по чисто финским областям» [Северное слово. 1942. № 13: 3]. В газете «*Vapaa Karjala*» была опубликована большая статья с иллюстрациями, где рассказывалось о народах севера с акцентированием внимания на сходстве коренных жителей Финляндии и жителей Карелии: «вот как похожи емь и северяне». Рядом размещалась карта Великой Финляндии, в границы которой включалась и Восточная Карелия [Vapaa Karjala. Pikku sanansaattaja. 1942. № 2: 2–3].

Газеты подчеркивали, что Восточная Карелия изначально была заселена именно карелами и вепсами, а русские появились гораздо позднее и состояли из мигрантов и заключенных, а следовательно, они не имеют здесь никаких корней. При этом население Восточной Карелии определялось как часть финского народа, но не отдельный народ. Это утверждение поддерживалось тем, что карельский и вепский языки трактовались лишь как диалекты финского [По обе стороны 1995: 265].

Наличие родственных связей между людьми из Карелии и Финляндии не было редким явлением, финнов воспринимали как соседей, а не врагов. Согласно воспоминаниям, даже после Зимней войны 1939–1940 гг. финны не рассматривались жителями Карелии в качестве врага, лишь как военные противники [Никулина 2009: 28–30]. Жители Карелии вспоминают, что к простым людям неприязни не было, а виноватыми в войне считались финские власти. Таким образом, к простым финнам изначально относились если не хорошо, то нейтрально. Однако просветительскому отделу следовало изменить отношение вчерашних жителей Советского Союза к новой власти, тем более необходимо было оправдать захватнические действия финской армии.

Ставка делалась на культивирование обид населения на советскую власть и обещания культурного и экономического развития Карелии после вхождения ее в состав Великой Финляндии. Газета «Северное слово» писала: «Коренная Финляндия и Восточная Карелия образуют вместе единое целое. Лишь став финской, Восточная Карелия сможет подняться и духовно и экономически» [Северное слово. Приложение. 1943. № 3: 1].

Большое количество публикаций было посвящено успехам финской администрации в Восточной Карелии. Газеты освещали в положительном свете все мероприятия, проводимые новыми властями, в том числе переименование населенных пунктов оккупированной территории, ставшее еще одним шагом по внедрению финской культуры в среду местного населения. Вот что писала по поводу переименования улиц Петрозаводска

в апреле 1943 г. газета «*Vapaa Karjala*»: «В истории г. Петрозаводска переименование улиц на новый национальный лад представляет собой значительное событие. Таким образом, город приобретает подлинно национальный характер, который ему и подобает иметь... В стирании следов русска² в городе этим сделан еще один большой шаг вперед, и Петрозаводск таким образом получает новый наглядный знак того, что это финский город, а не русский... что со временем распространится и на другие города Восточной Карелии» [По обе стороны 1995: 312–313]. Данная цитата позволяет сказать, что финнизация топонимии происходила не только для использования ее в государственном языке и в официальных целях, но и с целью минимизировать то, что напоминало жителям Карелии о жизни в советской России.

Большое число газетных статей посвящено таким вопросам, как работа социального обеспечения и оказание общественной помощи в Финляндии [Северное слово. 1942. № 37: 3], благосостояние трудящихся в Финляндии [Северное слово. 1942. № 49: 3]. Газетные полосы рисуют прекрасную жизнь граждан Финляндии, которыми теперь становились и представители родственного населения Карелии.

Особое внимание уделяется темам сельского хозяйства, дается как общая информация об условиях сельскохозяйственного производства в Финляндии [Северное слово. 1943. № 25 (98): 3; № 26 (99): 3; № 32 (105): 3], так и расписываются все преимущества финского крестьянина [Северное слово. 1942. № 40: 1; *Vapaa Karjala. Pikku sanansaattaja*. 1942. № 25: 1]. Просветительский отдел умело использовал тему отнятой при советской власти экономической самостоятельности, затрагивая больной вопрос: «Финский крестьянин свободно распоряжается продукцией своего хозяйства, оставляет на потребности, свободно продает избыток» [Северное слово. 1942. № 17: 4], «Крестьянин коренной Финляндии сам себе хозяин. Владеет собственной землей» [*Vapaa Karjala. Pikku sanansaattaja*. 1942. № 6: 1]. При советской власти вся земля находилась в коллективной собственности, распределение продуктов было не в пользу крестьян, а приусадебные участки слишком малы, чтобы позволяли прокормить себя. В ход шли политико-сатирические агитки: «Мы живем в раю у Сталина вот уж двадцать с лишком лет. И у русского крестьянина ни еды, ни дома нет. Все советские учения и все бредни Ильича я отдам без сожаления за два свежих калача» [Северное слово. Приложение. 1942. № 40: 1]. В газетных текстах даже дети («языком ребенка глаголет истина») хорошо понимают, насколько плачевна жизнь простого народа

² «*Ryssä*» – презрительное наименование русских.

при советской власти. Так, в одном из рассказов, помещенных в колонке юмора, на вопрос о том, колхознику или единоличнику лучше живется, маленький советский мальчик дает ответ: «колхозной свинье Машке» [Северное слово. 1943. № 43 (116): 4]. Суть данной темы наиболее ярко раскрывает карикатура «Колхозное иго сброшено!», размещенная рядом со статьей «Сгинь, ненавистный колхоз!». Рисунок изображает толпу радостных крестьян, которые с танцами и песнями под гармонь несут длинный гроб с надписью «колхоз» на еврейское кладбище [Там же. 1942. № 24: 2]. Здесь хотели показать и инициативу создания колхозов «сверху», и их ненародное и даже нерусское происхождение, и то ликование, с которым население должно приветствовать новый (или старый) характер землевладения: «теперь не со слезами, а с великой радостью будет русский крестьянин возделывать землю» [Там же. 1942. № 24: 2]³.

На страницах газет регулярно встречаются рекомендации по организации личного хозяйства, грамотному уходу за землей и скотом (см. напр. [Varaa Karjala. 1942. № 14: 7; № 20: 6]). Звучат призывы самостоятельно выращивать овощи, табак, разводить скот. Это было обусловлено также условиями военного времени и дефицита продовольствия, необходимостью перехода захваченной территории на самообеспечение хотя бы частично. Необходимостью самообеспечения можно также объяснить агитацию на сбор и заготовку ягод и грибов [Там же. № 30: 6], призывы учить молодежь еще не забытому стариками умению самостоятельно изготовлять одежду, выращивая лен [Там же. № 14: 2].

Информация на страницах газет, ее суть регулярно повторяется. Особенно это бросается в глаза, когда материалы касаются идеи Великой Финляндии. Утверждения о том, что Восточная Карелия является частью Великой Финляндии, а национальное население – частью финского народа, многократно воспроизводится в различных формулировках и в различном контексте. Например: «Родина восточных карел – Великая Финляндия. Восточная Карелия принадлежит к Великой Финляндии. Население Восточной Карелии является частью финского народа. Житель Восточной Карелии! Помни, что ты принадлежишь к финскому племени! Восточная Карелия – часть Финляндии» – и это все в пределах одной статьи [Varaa Karjala. 1942. № 17]. При этом используются простые для понимания фразы, что особенно важно для газеты на финском языке. Акцент

³ Надо заметить, что в некоторых цитатах употребляется слово «русский» не только потому, что они из русскоязычной газеты. Хотя обычно «русский» выступает противоположностью «карелу», образ его имел двойственный характер и мог, в некоторых случаях, нести положительное значение, о чем будет подробнее рассказано в статье позднее.

делается на освободительной миссии, постоянно повторяется утверждение, что «финская армия пришла в Восточную Карелию не грабить и уничтожать, она хочет принести лучшую жизнь, чем большевики давали» [НА РК 3: 2]. Происходит подмена понятий, на страницах газеты оккупация называется освобождением. При этом утверждается, что «карелы сами просили их освободить». Помимо того, надлежало говорить не о народе Восточной Карелии, а о населении Восточной Карелии, не о карельском языке, а о диалекте. Тем самым старались сделать упор на единстве карельского и финского народов, при этом карельскому населению отводилась роль требующего заботы младшего брата, как то было выгодно для новых властей.

Одним из важных аспектов политики, осуществлявшихся в отношении родственного населения, было повсеместное введение финского языка. Поскольку велась подготовка национального населения к переходу в финляндское гражданство, его государственным языком становился, разумеется, финский. Согласно статистическим данным Военного управления, национальным (родным) языком владело 93 % родственного финнам населения [НА РК 6: 1]. Однако даже если эти данные верны, национальный язык чаще всего был не финским, а карельским или вепским. Финский стал языком, на котором шло преподавание в школах. Учеников всех классов, начиная со второго, приходилось заново учить письму и чтению. Главной задачей преподавателей было научить языку правильной литературной формы учащихся, говоривших на карельском и вепском «диалектах» [По обе стороны 1995: 371]. Основой для изучения финского могли стать карельский и вепский языки, но постепенно дети должны были привыкать говорить, читать и писать по-фински [Петрозаводск и петрозаводчане 2005: 57].

Скорейшее распространение финского языка среди населения должно было вытеснить русский язык как фактор, связывавший его с прежней жизнью. Чтобы как можно быстрее стереть у населения память о жизни при советской власти, из личного пользования и библиотек начали изымать советскую печатную продукцию. Согласно приказу, изъятию подлежали все книги, карты, изображения и плакаты, напечатанные в Советском Союзе. Людям разрешили сохранить личные фотографии, чисто художественные и образовательные издания на финском языке и газеты, используемые в качестве обоев. Книги, выпущенные в советское время, изымались у жителей и из библиотек, а в дальнейшем вывозились либо уничтожались [Mäkinen 2006].

Издание на финском языке газет «Vapaa Karjala» и «Paateneen viesti», считавшихся важным средством воздействия на население, также должно

было поспособствовать распространению этого языка. Как писалось в самой газете, «*Vapaa Karjala*» предназначалась для тех жителей Восточной Карелии, которые научились читать в школе и понимают финский язык. Следует отметить, что и в праздничных выпусках «Северного слова», издававшегося на русском, на первой странице всегда печатались поздравления на финском языке: *Rauhallista Pääsiäistä! Hauskaa Joulua!* (см. напр. [Северное слово. 1943. № 16–17: 1; № 76–77 (149–150): 1]). Иногда в газетах печатались материалы на карельском языке, но в основном это были стихотворения. Хотя в конце 1930-х гг. в СССР был официально утвержден алфавит на основе кириллицы, на котором в советской Карелии началось обучение школьников, финские власти для текстов на карельском использовали латиницу, что также могло стать средством сближения с финской культурой. Многие карелы и вепсы не знали финского языка и, соответственно, не могли понять содержание газет [Rosen 1998: 48]. Таким образом, газета теряла значительную часть читателей, что было недопустимо.

В каждом выпуске помещался небольшой словарь основных финских слов, который помогал бы читателям как при чтении газеты, так и в изучении финского языка. Для тех, кто изучал письменный язык, выпускалось приложение «*Pikku sanansaattaja*» («Малый вестник») с текстами в легком изложении. Владеющих финским агитировали читать газету для малограмотных. Даже иллюстрация, сопровождающая заголовок приложения, ориентировала на это: мальчик читает вслух сидящим вокруг него и внимательно слушающим старикам, старушкам и детям [Там же. № 3: 1]. Подобные коллективные читки являлись стандартной практикой в советский период, и, вполне возможно, они продолжались и в оккупационный период. В газете «*Raateneen viesti*» также встречаются подобные призывы: «Грамотная молодежь! Читайте газету родителям, которые не умеют читать по-фински!» [НА РК 1: 1об.]. Таким образом, детям и молодежи нужно было не только усвоить финский самим, но также стать проводником языка и информации для других.

Еще одной из предписанных финскому гражданину ценностей, помимо любви к новой родине и финского языка, являлась вера. Религиозное воспитание с самого начала оккупации преследовало цель возрастания финского влияния, также оно рассматривалось как одно из самых действенных антикоммунистических мер. Согласно словам одной из газет, для финляндских священников завоевание Восточной Карелии было своего рода крестовым походом против большевизма, в ходе которого они стремились как можно скорее обратить в веру местных жителей [Северное

слово. 1942. № 51–52: 2]. Разумеется, основная работа по распространению религии осуществлялась отделом церковных дел, но информационный отдел, отвечавший за печатные издания, также оказывал поддержку.

Согласно сложившейся в Восточной Карелии религиозной ситуации и последующему решению главнокомандующего фельдмаршала Маннергейма, предполагалось, что и лютеранская, и православная церкви должны иметь равные возможности [НА РК 2: 13]. Однако на страницах газет приоритет отдавался лютеранству. Большая часть статей, посвященных истории церкви в Карелии, рассказывает об истории лютеранской церкви, в частности, о кладбище лютеранской общины, на месте которого большевики построили парк развлечений [Varaa Karjala. 1942. № 19: 3], о существовавших в Карелии, но разрушенных большевиками лютеранских церквях [Северное слово. 1942. № 16: 3].

Газеты часто публиковали материалы на религиозные темы. Как правило, на первой странице каждого номера «Varaa Karjala» и в некоторых выпусках «Paateneen viesti» находился раздел «Viikon tunnussana» («Изречение недели»), в начале которого помещалось предложение из Библии, служившее опорой либо главной темой для последующего текста. Здесь можно было встретить различные наставления, подобные тому, что во время службы в церкви следует вести себя тихо и не мешать другим прихожанам молиться. Статьи газет были посвящены основам духовной жизни и веры: «Как поверить в Бога тем, кто не верит в то, чего не видит» [Северное слово. 1942. № 24: 2], «Карелы! Учитесь читать святое Слово Божие. Научитесь слышать, о чем говорит Бог», «Иисуса нельзя увидеть, он в церкви, он в словах и таинствах» [Varaa Karjala. 1942. № 16: 1; № 19: 1].

Подчеркивалось, что инициатива возвращения людей к церкви идет со стороны местного населения: «Религиозное самосознание... в народе не угасло и возгорается с прежней силой, несмотря на двадцатипятилетие владычества воинствующих безбожников... Освободившись от большевистского владычества, крестьяне... восстановили церковь. Туда едут венчаться (уже 8 пар). Там крестят детей» [Северное слово. 1944. № 4 (154): 5].

На страницах газет веру людей в Бога и качество их жизни иногда увязывали вместе. Так, в газете «Varaa Karjala» читаем письмо подростка на финском языке: «В советское время говорили... что в Финляндии живут плохо, хоть и верят в Бога» [Varaa Karjala. 1942. № 20: 8]. В одном из анекдотов девочка рассказывала басню Крылова «Ворона и лисица» и на замечание мальчика о том, что Бога нет, ответила, что потому у них и сыра теперь нет [Северное слово. 1942. № 47: 4]. Таким образом,

в переплетении с религиозной осуществлялась и политическая пропаганда. Возможность свободного вероисповедания, возвращения на «путь веры... отцов и дедов» [Северное слово. 1943. № 26 (99): 4] ставилась в заслугу новым властям и одновременно служила поводом для критики советского режима.

Как видим, параллельно с воспитанием доверия к новой власти и обоснованием родственности с финскими историей и культурой формировался разрыв с советским прошлым, решалась задача отделения карелов и вепсов от русских. Газеты использовали собственные методы, добиваясь понимания разницы между родственными и неродственными народами.

Для газеты «*Vapaa Karjala*» характерно оперирование словом «*ryssä*» в отношении русских людей, использовавшегося так же широко и с той же ненавистью, как в советской пропаганде использовалось слово «фашист». «*Ryssä*» – это вековой враг финского народа и населения Восточной Карелии. Также это воплощение всех дурных качеств человека, абсолютно противоположных тем, которыми обладают финны: «финн и „рюсся“ словно огонь и вода...». «*Ryssä*» приписывались нечистоплотность, не предприимчивость, несдержанность, коварство и жестокость. В то же время о финских народах говорилось, что они любят порядок, предприимчивы, старательны, честны и законопослушны [НА РК 4: 31; *Vapaa Karjala*. 1942. № 17: 4]. Аналогия со словом «фашист» не совсем полная. «Немец-фашист» в советской пропаганде отождествлялся с беспощадным зверем [Кринко 2005: 333; Сенявская 1997: 45]. «*Ryssä*» же можно описать скорее формулой врага из «Северного слова», это «жидо-большевистская шайка / банда / свора» (см. напр. [Северное слово. 1943. № 14 (8): 4]. Таким образом, ассоциация идет не с жестоким зверем, а скорее с разбойниками, грабящими других и живущими за их счет. Первоочередной задачей было не настроить на сражение с «*ryssä*», а отвлечь от них национальное население.

«*Ryssä*» и «*bolsevikki*» (большевик) используются в равных значениях. На страницах газеты уничижительное «*ryssä*» всегда употребляется, когда говорится о враге, когда нужно вызвать негативные эмоции у читателя. «*Ryssä*» не употребляется, когда говорится об общих ценностях, о достижениях в культуре, об исторических личностях досоветской России. В этом случае пользуются нейтральным вариантом – «*venäläinen*».

Немаловажно понять, каким был образ врага на страницах финских оккупационных газет. Кто же им являлся: русские люди или лишь советское правительство? Ответ неоднозначен. Разоблачение советского режима

и идеологии являлось постоянной темой. Враг персонифицировался в советской правящей верхушке и, главным образом, в Сталине. Советские власти обвинялись в том, что пренебрегали интересами и нуждами народа в угоду идее мировой революции. Как результат подобного руководства выступало бедственное положение населения. В анекдотах на вопрос «как ты живешь в Советском Союзе?» собеседник отвечает: «как моль – проедаю свое последнее пальто», «как Ленин в Мавзолее – и не кормят, и не хоронят» [Северное слово. 1942. № 44: 4; 1943. № 8 (81): 4]. Население Советского Союза на страницах газет не только не сомневается в недееспособности советского режима, но и желает, чтобы большевики ушли от власти. Руководство страны изображалось как безграмотное и бездарное в управлении. Сталин и вся верхушка власти сравнивались с ослами и кровопийцами, живущими за счет простого народа [Северное слово. 1943. № 29 (102): 4; № 36 (109): 4; Varaa Karjala. 1942. № 24: 3, 5].

Сталин как глава страны являлся идеальным объектом для персонификации всех негативных качеств, которые приписывались советской правящей верхушке. На иллюстрациях в газетах Сталин появляется всегда лишь в карикатурном виде, фотоизображения отсутствуют. В основном глава советского государства представляется либо в виде глупого руководителя и командующего, либо бесчеловечного угнетателя. Воплощая образ жестокого врага, карикатуры рисовали Сталина, пересаживающего маленького мальчика из детской коляски в танк, кидающего солдат в «пожар войны», награждающего искалеченных солдат орденами [Северное слово. 1942. № 33: 2; № 44: 4; 1943. № 43 (116): 2]. В напрасных смертях обвинялось также и безграмотное руководство генералитета Красной армии. Высшее командование наделялось такими качествами, как трусость и жестокость. Готовые первыми сбежать, генералы кидают в бой солдат, не считаясь с потерями, что приводит к истощению людских ресурсов и отсутствию резервов.

Одной из основных черт образа большевиков, которой их наделяли на страницах газеты, является лживость, проявлявшаяся в невыполнении своих обещаний достойной жизни и свобод для народа, а также в характере советской пропаганды, как старой, так и нынешней [Varaa Karjala. 1942. № 24: 12]. Сводки Совинформбюро («от слова „соврать“») характеризовались как фальшивые, преувеличивающие успехи Красной армии [Северное слово. 1942. № 31: 2; № 37: 4]. Лживой советской пропаганде противопоставлялась правдивая информация, публикуемая в финских газетах: «Большевистские газеты полны лжи, они подчиняются Москве и Ленинграду. Они не желают добра населению Восточной Карелии.

Им нельзя верить. „Varaa Karjala“ – собственная газета Восточной Карелии. Это газета всех жителей Восточной Карелии» [Varaa Karjala. Pikku sanansaattaja. 1942. № 3: 1].

Отдельно стоит отметить стремление разоблачить рисовавшиеся непонятными, неестественными попытки советских властей обратиться к до-советским ценностям, памяти прошлого, например взывание к теньям великих полководцев: А. Суворова, М. Кутузова, Александра Невского [Северное слово. 1942. № 33: 2]. Примером может послужить карикатура «Сталинский маскарад» с подписью слов Сталина: «Сейчас мы генеральную линию поворачиваем в сторону историко-патриотическую и на данном этапе – молчок про пролетариат и мировую революцию!» [Там же. 1943. № 14 (77): 2]. Сталин критикуется за то, что для спасения своей гибнущей власти он и большевики объявляют себя защитниками и поборниками христианства [Там же. 1942. № 16: 2; 1943. № 4 (77): 2]. В одном из номеров газеты опубликован фельетон, в котором бывший председатель полковой ячейки воинствующих безбожников товарищ Бублик назначается полковым священником [Там же. 1943. № 29 (102): 4]. Подобными публикациями опять же старались подчеркнуть двуличие большевиков, фальшивость слов и поступков советских руководителей.

Интерпретация военных событий в газетах должна была показать слабость и несогласованность действий войск противника, подчеркнуть военное превосходство финской и немецкой армий.

В противовес Сталину и его «жидо-большевистской банде» ставился образ фельдмаршала Маннергейма. Маннергейм представлялся умелым полководцем. Встречаются даже специальные выпуски, посвященные Маннергейму, например, ко дню рождения, где описываются таланты и заслуги «освободителя Восточной Карелии», пишут о нем как о «друге восточных карел», «друге финских детей». Что интересно, Маннергейму в газетах уделяли гораздо больше внимания, чем президенту Финляндии Ристо Рюти, видимо, опять же из-за роли освободителя и лидера в борьбе за независимость (см. напр. [Varaa Karjala. 1942. № 19: 1; № 20: 1–2; № 24: 2]).

Мы видим, что в газетах создавался негативный образ правящей верхушки Советского Союза, в качестве жертвы которой выступал не только карельский, но и русский народ, русское государство. Его также освобождают финская и немецкая армии: «Но заботу финских патриотов, их подвиги в борьбе за освобождение русской земли от большевиков русский народ никогда не забудет» [Северное слово. 1942. № 15: 1]. Итак, образ русского, советского человека не совпадает с образом большевика. В качестве отрицательных действующих лиц выступают Сталин, Калинин,

абстрактный большевик или еврей. Простые же советские люди изображаются либо в положении, вызывающем сочувствие, либо видящими и разоблачающими правду.

Означало ли это, что к русскому человеку не относились как к врагу, а лишь как к соседу? Отвечая на этот вопрос, необходимо различать понятия чужого и врага. Само по себе выделение чужих не предполагает враждебного к ним отношения, это просто носители другой культуры [Никулина 2005: 329]. К чужому народу, его истории, достижениям в науке и искусстве можно относиться с уважением, что также присутствует на страницах рассматриваемых газет, чаще в русскоязычном «Северном слове».

Ярким примером служит рубрика «Знаете ли вы историю России?», публиковавшаяся в номерах газеты за 1942 г. Здесь можно увидеть, к примеру, вопрос: «За что Ярослав получил прозвище Мудрого?» Ответ на него в следующем номере: «За очень большую по тому времени образованность и за издание первого писаного закона „Русская правда“». Ответом на вопрос, «чем отмечена деятельность Ярослава Мудрого», служит: «большим затишьем междоусобия, хорошо организованным отпором половцам, справедливым судом и очень умеренными сборами податей с населения» [Северное слово. 1942. № 27: 4; № 28: 4]. Мы видим, что ответы уважительные, в них признаются добрые личностные качества и достижения правителей. Подобным образом выглядят и другие задания: победы русских князей и Петра I характеризуются как блестящие [Там же. № 35: 4], но в соседней же рубрике юмора высмеивается бездарность Сталина как военачальника. Таким образом, если позиция по отношению к прошлому России на страницах газет уважительная, то к советскому периоду формируется противоположное отношение.

Однако одной из главных задач, стоявших перед редакцией газет, была необходимость убедить национальное население, что оно является частью не русского, а финского народа. А значит, родственное и неродственное население следовало противопоставлять. В текстах русские начинают выступать и в негативном свете. Например, как обманщики, которые говорили, что «Восточная Карелия – это часть России» [Vapaa Karjala. 1942. № 22: 1] или что Бога не существует [Там же. № 20: 8]. Также о русских, а не только уже большевиках, писали как о тех, под чьим владычеством находились карелы, кто пытался отнять свободу и заменить язык на русский [Северное слово. 1942. № 23: 3; Vapaa Karjala. Pikku sanansaattaja. 1942. № 2: 4].

Таким образом, национальное население и русские оказываются равны в том, что одинаково пострадали от советской власти и большевиков, к прошлому и достижениям русского народа относятся с уважени-

ем. В этом случае русский народ и советское правительство находятся на противоположных полюсах. Но уже при сравнении самих русских и национального населения, образы народа и Сталина с правящей верхушкой начинают сближаться.

При создании газет старались учитывать круг потенциальных читателей. Поскольку на оккупированной территории число женщин превалировало, особое место в деятельности просветительского отдела занимало создание такого образа женщины, которому должны были соответствовать будущие гражданки Великой Финляндии.

Газеты стремились привлечь внимание женской аудитории, рассказывая, к примеру, о равноправии мужчин и женщин в вопросах образования и работы в коренной Финляндии. Статьи обильно дополнялись иллюстративным материалом, фотографиями финок, как отдыхающих, так и принимающих активное участие в жизни страны: «Финские девушки принимают солнечные ванны», «Лотты⁴ принимают деятельное участие в снабжении войсковых частей продовольствием», «Мийна Силланпя⁵ в своем рабочем кабинете» [Северное слово. 1942. № 17: 3].

Как отмечает А. В. Голубев, именно женщины были выбраны также в качестве проводников финского влияния среди населения. Девушек набирали на различные учительские и религиозные курсы и временную работу в Финляндии [Голубев 2009: 287–288]. Оккупационные власти считали такую политику вполне оправдывающей себя: «Военное управление Восточной Карелии наметило в течение начавшейся зимы для группы молодых восточно-карельских женщин создать возможность поработать в Финляндии в качестве домработниц в приличных сельских домах и, таким образом, на практике ознакомиться с тем, как ухаживать за домом и вести хозяйство... Знакомство с условиями жизни в Финляндии и распространение об этом реальных сведений после возвращения людей домой было бы хорошей пропагандой в пользу Финляндии» [По обе стороны 1995: 292].

Как мы видим из приведенной выше цитаты, стать хорошей хозяйкой должна была стремиться любая женщина. В газете «*Vapaa Karjala*» часто публиковали материалы, советы по эффективному ведению домашнего хозяйства, по воспитанию детей. Широко обращались газеты к теме детей, их благополучия: «Для каждой народности главное – дети»

⁴ Лотта – член добровольной женской организации помощи военным «Лотта Свард», существовавшей в Финляндии с 1919 по 1944 г.

⁵ Мийна Силланпя – первая женщина, ставшая министром в Финляндии, большое внимание уделяла социальной политике и являлась активным борцом за интересы женщин.

[Северное слово. 1942. № 23: 3]. Это могло привлекать внимание женщин. Рекламировалось здравоохранение Финляндии, уделяющее внимание детям [Varaa Karjala. 1942. № 31: 3]. Наиболее часто писали об открытии школ и школьных столовых [Северное слово. Приложение. 1942. № 3: 2], которые начали свою работу уже осенью 1941 г.

В газетах печатали материалы не только о детях, но и для детей. По данным переписи Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. дети младше 16 лет составляли половину всего населения [НА РК 6: 2]. Естественно, что просветительский отдел не мог игнорировать наличие такого большого пласта населения.

Работа по воспитанию молодежи была аспектом деятельности просветительского отдела, которому уделялось особое внимание. В газете «Северное слово» это объяснялось тем, что «перед молодежью встает большая и важная задача: стройка новой, свободной от гнета и насилия Восточной Карелии. Но мало кто из молодежи сейчас еще способен на это, так как в них сильно еще влияние советского воспитания и всех его мировоззрений» [Северное слово. 1944. № 30 (162): 5]. Отсюда одной из задач было искоренение коммунистической идеологии и привитие идеи о том, что их родиной является не «Россия, а Великая Финляндия – общий дом и единое отечество для финнов», как прозвучало в одной из радиопередач для гражданского населения [Септяля 1995: 118]. Задачей «культурных сил Финляндии» было «привить детям и молодежи христианское мировоззрение, любовь к родине и святость семьи и брака» [НА РК 7: 41об.].

То, что духовный мир детей и молодежи находится в состоянии становления и не сформировался окончательно, являлось благодатной почвой для их воспитания в качестве будущих граждан Великой Финляндии. Дети не критично воспринимали информацию, прочитанную где-либо или услышанную в школе, а затем делились полученными знаниями в семье. Отсюда следует, что получаемая информация косвенно оказывала влияние и на семью.

Однако подростки и молодежь уже успели впитать идеи большевизма, что особенно было характерно для молодых людей, уже выросших из школьного возраста. Финской администрации, так же как и немецким союзникам на всей оккупированной территории Советского Союза, предстояло проводить «дебольшевизацию».

В газетах старались показать слабость советской государственной системы. Детям карелов и вепсов внушали, что финны – их родственники. И хотя они единый народ, в Финляндии живетс я намного лучше, потому что в Восточной Карелии русские угнетали местное население.

Теперь же финны освободили своих братьев и принесли перемены к лучшему [Лардо 2000: 30.]. Газета констатировала: «Молодежи Восточной Карелии. Финский народ ждет великое будущее» [Varaa Karjala. 1942. № 34: 1].

Идеи, вокруг которых строилась политика финских оккупационных властей в отношении детей, совпадали с тем, что пропагандировались среди взрослого населения. Однако специфика возраста требовала других средств для их распространения. В каждом номере помещалась иллюстрированная история в виде комикса по мотивам народной сказки про Антти Пуухаара⁶ – способ приобщения детей к финской культуре, облеченный в развлекательную форму. Для детей и молодежи в газете «Varaa Karjala» отдельная страница отводилась под специальную колонку «Nuorten osasto» («Молодежный раздел»). Здесь размещались стихи, рассказы и сказки, материалы нравоучительного характера, новости о спортивных мероприятиях в школах, особенно часто о лыжных соревнованиях. Особенно стоит выделить публиковавшиеся письма сверстников, где они рассказывали, как учатся в школе, о своих поездках в Финляндию. Все письма акцентируют внимание на том, как теперь хорошо живется в качестве граждан Великой Финляндии, иногда встречается критика в отношении прежней жизни при советской власти, рассказывается о лживости большевиков. Приведем перевод части письма, автором которого указан курсист, обучающийся в Финляндии: «При советской власти в школе говорили, что Иисуса нет. Что в Финляндии народ живет плохо, хоть и верят в Бога. Но сейчас в Финляндии мы видим, что большевики врал, живут лучше, чем мы, будучи в колхозах» [Varaa Karjala. 1942. № 20: 8; № 21: 8]. Писали также про то, как проходят сами курсы в Финляндии и как там славно учиться. В газете «Varaa Karjala» отмечалось, что курсы выполняют свое дело, когда «Бог, дом и Финляндия как Родина войдут в души учеников» [Varaa Karjala. 1942. № 17: 1].

У детей вырабатывали привычку ведения личного хозяйства в отличие от советской кооперативной колхозно-совхозной традиции. Помимо отработки на школьных участках, каждый ученик обязан был обустроить овощные грядки рядом с домом. Как уже говорилось в начале статьи, газеты регулярно публиковали призывы к юным читателям устраивать свои огороды, выращивать овощи, давали советы по растениеводству. Таким

⁶ Антти Пуухаара – персонаж старых финских народных сказок, который с первого дня своей жизни сталкивается со многими трудными ситуациями, но справляется с ними не только благодаря удачливости, но и своим сообразительности, силе и честности.

образом, роль хозяина-собственника должна была осваиваться уже с детского возраста.

Материалы газет были призваны обучить юного читателя размышлять, поступать и думать по-новому, примеряя свои собственные поведенческие нормы и практики под некий нормативный (идеальный) детский образ. В целом образ ребенка на страницах газет – идеал будущего гражданина Великой Финляндии. Ребенок не только говорит по-фински, любит Финляндию, свою родину, приобщен к церкви, но и является транслятором новой культуры, новых ценностей и идеалов в отношении взрослых. Он должен читать газету неграмотным родителям, слова, опубликованные от его имени, должны вызывать доверие, его счастливый образ должен поднимать и поддерживать авторитет новой власти.

К сожалению, не представляется возможным проследить степень влияния газет на население, исходя из обратной реакции читателей. Отзывы читателей, публиковавшиеся на страницах «*Vapaa Karjala*», «*Paateneen viesti*» и «Северного слова», являются тенденциозными и не могут служить достоверным материалом. Воспоминания же современников о военном времени содержат лишь единичные упоминания о газетной информации, что не может дать полноценной картины.

Несмотря на некоторые обстоятельства, накладывавшие ограничения на эффективность газетной пропаганды, в числе которых недостаточная грамотность населения и незнание финского языка, финская печатная продукция обладала информационной монополией на оккупированной территории. То, что газеты являлись одним из источников информации, позволяло финским оккупационным властям рассчитывать на них как на потенциально эффективный способ воздействия на людей. Материалы периодической печати были нацелены на воспитание из карелов и вепсов истинных граждан Великой Финляндии. Газеты являются тем источником, который достаточно полно отражает этнические аспекты осуществлявшейся новыми властями политики. Принадлежность к национальному населению позволяла иметь лучшее экономическое и социальное положение. Родственные народы на страницах имеют более высокие моральные качества и предстают в лучшем свете, чем «русские».

Источники

Лардо 2000 – Лардо Р. У чужого порога: Повесть-хроника. Петрозаводск: Verso, 2000.

НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-5002. Оп. 5. Д. 16.

НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 1.

НА РК 3 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 3.
НА РК 4 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 52.
НА РК 5 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-805. Оп. 1. Д. 1.
НА РК 6 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-805. Оп. 1. Д. 16.
НА РК 7 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-1192. Оп. 2.
Д. 18/173.

По обе стороны 1995 – По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы / Сост.: А. В. Климова, В. Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1995.

Северное слово (1942–1944).

Устная история 2007 – Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников / Сост. и науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск: ПетрГУ, 2007.

Vapaа Karjala (1942).

Литература

Бормотова А. Р. Внешнеполитические материалы немецких оккупационных газет как средство пропаганды и агитации в 1941–1943 гг. (на материалах Курской области) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 3 (31). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskie-materialy-nemetskih-okkupatsionnyh-gazet-kak-sredstvo-propagandy-i-agitatsii-v-1941-1943-gg-na-materialah-kurskoj-data-obrasheniya:14.05.2019>.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны, 1939–1945 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009.

Веригин С. Г. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в период Второй мировой войны, 1939–1945 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012.

Голубев А. В. Идеология и повседневность: женщины в политике финского оккупационного режима и практике повседневной жизни в Карелии (1941–1944 годы) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 284–296.

Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги второй мировой войны. Сб. ст. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 516–545.

Кринко Е. Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Новые научные направления: ежегодник, 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 329–344.

Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск: Военно-ист. об-во Республики Карелия, 2006.

Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1995. С. 99–106.

Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2002. С. 131–233.

Никулина Т. В. Советско-финляндская война в памяти гражданского населения Карелии: (по материалам устных опросов) // Военно-историческая антропология. Новые научные направления: ежегодник, 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 316–328.

Никулина Т. В. О «той войне незначимой...»: память гражданского населения Карелии о Зимней войне // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 10 (104). С. 27–33.

Семенова А. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М.: Институт социологии РАН, 2010.

Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

Септяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 108–128.

Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa, 1941–1944. Helsinki: Otava, 1982. 490 s.

Mäkinen I. Fates of books and archives during the war between Finland and the Soviet Union, 1939–1940 and 1941–1944. [Электронный ресурс] / Knygotytra 2007–48. Электрон. дан. URL: <http://www.journals.vu.lt/knygotytra/article/view/8136/6007> (дата доступа 09.05.2019).

Rosen G. Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotilashallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941–1944. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1998. 274 s.

Сведения об авторе. Аспирант, ИЯЛИ КарНЦ РАН, научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижки».